

НАША СТРАНА

SEMENARIO

“NUESTRO PAIS”

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director:

VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 377233

TARIFA REDUCIDA
Concesión N° 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233Correo
Argentino
Central B.

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 12 de julio de 1952

Буэнос Айрес, суббота 12 июля 1952 года

№ 130

Всеволод Дубровский

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Тридцать четыре года тому назад, в ночь на 17-ое июля 1918 года, в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге, было совершено злодеяние, равного которому по жестокости и гнусности не найти во всей мировой истории.

Тяжело и стыдно о нем писать, но "писать", говорить, и кричать о нем надо. Ни молчать, ни забывать об этом злодеянии мы не имеем права. Мы должны и сами помнить и постоянно воскрешать в памяти нас окружающих и все события, приведшие Царственных Мучеников к страшной ночи на 17 июля и все подробности этой ночи, памятуя, что невинною Их кровью обгажены не только руки Их физических и интеллектуальных убийц, но и вся Россия, весь русский народ.

Страшный грех Цареубийства на всех нас. И треск револьверных выстрелов, прозвучавших в ту ночь не должен позволить спать ни одной русской совести. В каждой русской душе должны вечным укором звучать и последние слова Государя — обращенный к убийце недоуменный вопрос "за что?", и предсмертные стоны Государыни и Наследника Цесаревича, и вопль ужаса Великих Княжен — четырех ни в чем неповинных царственных русских девушек, успевших, быть может, в последние доли секунды их жизни понять, что происходит, и видеть смерть Матери, Отца и Брата.

И это "за что?", и эти стоны — укор и напоминание нам всем о том, что если не мы сами, то наши отцы и деды, в те страшные годы не смогли, не сумели или не хотели помешать насилию над Государем Императором, аресту всей Августейшей Семьи, Ее ссылке в Сибирь и зверскому убийству. Не смогли, не сумели или не захотели предотвратить крушения нашей Великой Империи, удержать ее на грани, за которую начался страшный Крестный Путь и всего русского народа и — вместе с ним — оставшегося ему верным Государя и Его Семьи.

Мы сами, наши отцы или наши деды, вся блестяще вооруженная Действующая армия, весь русский народ безвольно поддались гипнозу дурманящих слов и лозунгов "революции", которая, в сущности, никакой революцией и не была. Одни — равнодушно, другие — думая лишь о личных своих интересах, смотрели как за кормило управления Великой

Страной, в самый ответственный момент войны, накануне победы, ухватились слабые и неопытные руки салонных политиканов и "революционеров", в напыщенной трескотне "революционных" фраз топивших свою растерянность и беспомощность. Охваченная массовым психозом "великой, бескровной", страна катилась в пропасть "Октября".

И, быть может, единственным человеком, понимавшим, ясно видевшим трагический ход событий, был Государь Император,

который незадолго до этих роковых дней, обсуждая вопрос об ответственном министерстве, по именам перебирал всех тех претендентов на пост правителей, которым "Февраль" дал ту власть, бремя которой им было не по силам.

Можно себе представить, с каким тяжелым чувством подписал Он Манифест об отречении от престола, уступив настояниям тех, кого Он считал ближайшими своими советниками и помощниками, в преданности и верности которых он не сомневался.

Теперь, через тридцать пять лет, очень легко обвинять Его в слабости и бесхарактерности, и спорить о том, должен ли Он был отречься, или нет. Но, в той обстановке, которая была создана в Пскове, что Он мог сделать? Он, быть может, поверил еще раз — в последний раз, тем, кому верил всегда — своим генералам, что только Его отречение спасет страну от разрухи и — главное — даст возможность довести войну до победы, так тщательно и так блестяще уже Им подготовленной. Во имя этого Он и подписал Манифест, чтобы уже через несколько часов по-

По случаю исполняющейся 17 сего июля тридцать четвертой годовщины мученической кончины

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА И ЕГО АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬИ

в воскресенье, 20 июля с. г., после Божественной Литургии, в Кафедральном Соборе Воскресения Христова будет отслужена

ПАНИХИДА

на которую приглашаются все русские люди.

нять, что "кругом измена, трусость и обман"...

И потом, когда Временное Правительство, как то "не думая все-

В номере:

Всеволод Дубровский
КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Борис Ширяев
...ВОЗДВИГНУТ ЦАРЕМ
МУЧЕНИКОМ...

А. Орлов
ИСПОВЕДЬ ОДНОГО
РУССКОГО

Владимир Рудинский
ПРАВая И ЛЕВАЯ ДОКТРИНА
ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ
ВОПРОСУ

Б. Ликов
СНОВА НА РОДИНЕ
(Продолжение)

И. С.
ОБЗОР ПЕЧАТИ

Глеб Томили
ДВЕ СИЛЫ

ва. Несколько дней общения с Царской Семьей было достаточно для того, чтобы простые русские люди, несшие этот караул, полностью подпадали под обаяние Царственных Мучеников.

И чем больше была Его вера в русский народ и любовь к этому народу, — тем страшнее и тяжелее наша перед ним вина. Наша вина и наш великий грех.

Потому то, каждый русский человек, где бы он ни был, кем бы он ни был, никогда не должен забывать о кровавой ночи на 17 июля 1918 года и неустанно и постоянно твердить слова молитвы:

"Упокой, Господи, души умученных рабов Твоих, Благочестивейшего, Благовернейшего Государя Императора Николая Александровича, Государыни Императрицы Александры Феодоровны, Государя Наследника и Великого Князя Алексея Николаевича, Великих Княжен Ольги, Татианы, Марии и Анастасии, и прости и спаси Россию!"

Вс. Дубровский

ПРИВЕТСТВИЯ АДМИРАЛУ А. КЭРКУ

К вопросу ликвидации коммунизма Америка идет ощупью, делая на этом пути вопиющие с нашей точки зрения ошибки, постепенно исправляя эти ошибки и намечая, тоже очень постепенно, какую то в общем приемлемую для нас линию. В "Нашей Стране" уже был приведен текст последней речи адм. А. Кэрка. В беседе с представителями "народников", состоявшейся 18 мая, адмирал Кэрк еще раз подчеркнул момент невмешательства САСШ во внутророссийские дела: "Пропагандировать расчленение России было бы вредно для дела и было бы только на руку Сталину"... "Американский Комитет существует только до освобождения России. Как только она будет освобождена, Американский Комитет прекращает свои функции. Российские народы и их партии должны будут сами устраивать свое государство. Но мы должны организовать совместную борьбу с коммунизмом".

От имени "народников" г. Курганов подчеркнул то, о чем много раз писала "Наша Страна": "Идея расчленения России оттолкнет от нас российские народы". Один из сочленов Американского Комитета м-р Вильямс советовал, правда, воздержаться в передачах и от идеи "единой и неделимой России", на что другой "народник" г. Смирнов возразил: "Сепаратисты не выражают настроений народов России и сепаратистская пропаганда произведет там неблагоприятное впечатление". В дальнейшем вопрос о "единой и неделимой", видимо, не обсуждался.

Таким образом, в самом важном вопросе антикоммунистической борьбы Американский Комитет сдал свои прежние позиции и — устами адм. А. Кэрка — признал те основные принципы, на которых настаивала вся эмигрантская печать: "в конце концов, это нас не касается и это в а ш е дело". На данный момент больше ожидать, собственно, нечего.

В воздаяние адм. А. Кэрку за его — по существу очень крутой — отказ от прежних расчленительных тенденций Американского Комитета, отказ сформулированный 7 и 18 мая, Рыбаковская "Россия", устами какого-то Владимира Ваулина, обращается к адм. А. Кэрку с очень широко вещательным открытым письмом, в котором, в частности, сказано:

"Примите от России (от России без кавычек. И. С.) последнее слово негодования и презрения за ваше жуткое и циничное приветствие, обращенное к нам по случаю черной годовщины

крушения Империи... Февральская революция... была совершена врагами всех народов России, всех ее классов когда весь честный российский народ был занят величайшей войной во имя спасения Российской Империи и во имя спасения ее н е б л а г о д а р н ы х и н е б л а г о р о д н ы х союзников... Ваше приветствие является диким злорадством по поводу величайшей трагедии, которая постигла некогда славное наше отечество".

Совершенно само собою разумеется, что все это великолепие будет поставлено в строку в с е м м о н а р х и с т а м эмиграции: кто их там разберет?

ПРОГРЕСС В ЦАРСТВЕ ПОЛИТИКОВ. "МАТУШКА-РУСЬ".

Самостийная пресса, питающаяся сосцами Дона Левина растет, как эмигрантские центры. Честно каюсь: разбираться в ней нет ни времени, ни охоты. Во всяком случае, есть и такой — очень основательный и хорошо издаваемый — журнал "Свободный Кавказ". Редактор — А. Авторханов, он же — А. Уралов. Журнал издается на языке Свободного Кавказа, иначе кто бы его изнял? В апрельском номере помещена статья редактора "К вопросам психологической войны против СССР", это, кажется, единственная статья на эту тему, написанная и толково, и с безусловным знанием дела. Те советы, которые А. Авторханов дает американской пропаганде — правильные советы. В статье, в частности, сказано:

"Необычайно цепкая, духовно глубокая, до фантастичности патриархальная, исторически много раз испытанная преданность "Матушке Руси" — есть основа русского национального бытия и русского характера. Русский человек пойдет и против царя (когда? И. С.) и против попа, и против Сталина, но против Родины — никогда! На этом, собственно, сорвался Гитлер и выиграл Сталин. Когда Сталин увидел, что его социально-политические идеи обанкротились, он и ухватился за "больное место" русской души, провозгласив идею Родины и "патриотизма" центральным лозунгом своей ПВ*).

"Какие приемы и методы допустимы в ПВ против Сталина? Абсолютно все, кроме тех, которые задевают субстанцию русского национального бытия и его государственности".

Тут возникают, конечно, некоторые недоумения: если "свободный Кавказ", то как же быть с

*) "Психологической войны".

"Матушкой-Русью"? И если нельзя задевать "субстанцию русского национального бытия и его государственности", то что же тогда делать сепаратистам? Есть одно и только одно объяснение: сверху дана новая директива. Но в общем я с А. Авторхановым согласен: да здравствует свободный Кавказ в свободной Матушке-России!

ГОЛОВОТЯПЫ

Вырезка из передовой "России" в кавычках:

"Все эти левые марксистско-социалистические силы, будущи шпионско-пятиколонными органами иностранно-революционного заговора против России, в течение десятилетий, упорно и систематически стремились всеми активными средствами тайного подполья к свержению тысячелетнего национально-государственного, правового строя России.

"...Огромная вина и тех правых кругов военно-гражданской правительственной администрации и думских парламентских кругов, которые вместо того, чтобы твердо и решительно встать на защиту Имперского государственного строя и всеми силами выступить против международного революционного заговора, в известной части, поддержали этот заговор. В основе преступления некоторых правых кругов, волевым образом не выступивших против революционного шпионско-пятиколонного иностранного революционного заговора, совершенного, главным образом, руками социалистов-интернационалистов, марксистов и просто большевиков, лежало политическое невежество, маниловщина и преступное бездействие власти. Правда, вскоре же после крушения России эти головотяпы из правого лагеря, вольно или невольно поддержавшие проклятую февральскую революцию, быстро осознали свои ошибки и раскаялись, но, увы, уже было поздно".

Во-первых, где именно, и чем именно, и как именно раскаялись наши головотяпы? Времени для раскаяния было достаточно — 35 лет. Где они "раскаялись"? В правительстве Деникина? Или на земельном совещании П. Врангеля? Или на Райхенгальском Слезде? Где и когда?

Во-вторых: где именно, чем именно, и как именно "шпионско-пятиколонные органы иностранно-революционного заговора против России" могли организовать дворцовый переворот? Сконструировать распутинскую легенду, накопить в столице "пороховой погреб", не выполнить ни одного из повелений Государя о нейтрализации этого погреба, завести Царский Поезд в тупик и предъявить Государю Императору ультиматум "сдаться на милость победителя"?

Здесь мы вступаем в область "пунктиков" или "винтиков". И головотяпы и наследники голо-

ботяпов русской эмиграции за все эти 35 лет не сказали ни о д н о г о слова о том, так как же "шпионско-пятиколонные и др. органы" могли овладеть верхушкой русского генералитета. За тридцать пять лет что-то можно было бы объяснить. До сих пор, за тридцать пять лет, никакого объяснения нет.

ГОЛОВОТЯП НЕРАСКАЯННЫЙ

Князь Ф. Юсупов, он же граф Сумароков-Эльстон, убийца Распутина, публикует в бульварной парижской прессе свои воспоминания. "Русская Мысль" приводит их основное содержание:

"...Автор их рассказывает о том, как жили князья Юсуповы в столицах России и за границей, как они сорили деньгами, как устраивали изощренные празднества с угощением на несколько тысяч человек, как он сам, автор, кутил в ресторанах, разбрасывая жемчуга во время ужинов в отдельном кабинете и тому подобное.

"Повествует князь Юсупов и об интимных делах семьи своей и семей других аристократов. Много говорит он и о Царской Семье, о скандальных выходках представителей придворного круга и высшего духовенства, которые, яко бы, ругались и даже дрались между собою, на почве отношения их к "герою" русской драмы Григорию Распутину.

"Автор касается и исторического прошлого России, рассказывает, что под московским Юсуповским дворцом, когда-то принадлежавшим Иоанну IV, где он развлекался во время охот — висели на стенах скелеты жертв ужасного царя, которые пугали Юсупова и, что такие же скелеты находились и на всем протяжении (несколько верст) подземного хода, ведущего из этого дворца в Кремль.

"В общем, у иностранного читателя этих мемуаров — к тому же составленных в стиле бульварных романов — несомненно создается мнение, что в России цари и аристократы могли безнаказанно убивать людей, не рискуя попасть под суд, да еще и афишировать свои преступления, выставляя напоказ жертвы своих злодеяний, или выступать по поводу своих преступлений в печати".

Дело, конечно, понятное: денег у Юсупова нет, и он старается на потребу бульварного читателя. Когда с аналогичными сенсациями выступают абрамовичи (впрочем, даже и они этого сейчас не делают), то это можно считать более или менее нормальным. Но когда выступает князь Юсупов — дело принимает совсем плохой оборот. Сотоварищи этого Юсупова промышляют в Париже тем, что вводят богатых американцев и американок во "все тайны ночного Парижа", ночной Париж имеет, конечно, свои "тайны", и организаторы этого почтенного туристического бюро хвастаются, что эти

Борис Ширяев

...Воздвигнут Царем Мучеником...

—...Упокой, Господи, душу умученного раба Твоего, Благочестивейшего, Благовернейшего Императора нашего Николая Александровича и сотвори Ему вечную память!...

Тихо и проникновенно струится голос старика священника в темном храме, освещенном только семью свечами. Больше в ящике не нашлось. Служит один священник, без дьячка. Его нет в причте. На коленях перед древним образом Св. Николая Чудотворца стоит только один молящийся. Дата этой панихиды — 9 мая 1952 года — день тезоименитства Царя-Мученика. Место — русский храм Св. Николая в г. Бари, в Италии, близ мироточивых мощей Чудотворца. Священник — отец Андрей Канецкий. Молящийся — автор этих строк.

Не счесть храмов, воздвигнутых на Руси в честь и прославление Святителя, духовный облик которого глубоко врос в душу русского народа, не только в его религиозное сознание, но и в основу его бытовой, повседневной морали. Никола Милостивый, Никола Земли Русской Заступник, Никола страждущих Утешитель, Никола на водах Спаситель — вот в честь кого возрасли по всей Руси бесчисленные храмы Никол Можайских, Зарайских, Дворищенских, Хвалынских, Липенских, Великорецких... Самый древний из них — храм Николы Мокрого — воздвигнут в Киеве в XI веке не князьями, нет, а бедными рыбаками, чудесно спасенными Святителем.

Есть и русский Никола Барийский на берегу блистательной Адриатики, но о нем мало кто знает. Его воздвиг отдавший свою жизнь за русский народ его последний Государь.

Станным, трудно понимаемым чувством трепещут сердца увидевших этот храм русских людей. Тут и грусть, и тихая радость, и скорбь униженного и гордость вознесенным, и тоска

"тайны" ими изучены до дна. Объявление этой "фирмы" "Русская Мысль" приводит полностью. И вот эти люди считают себя сливками России и никаких признаков раскаяния не обнаруживают.

Что же касается шпионско-рыбаковских пятых колонн, то в основном это просто вздор и больше ничего. Дело заключалось в том, что при продолжении "столыпинской" политики Государя Императора этому слою приходил конец. Латифундии его были давно заложены и перезаложены. И Юсуповы "сорили" во все не своими деньгами, а деньгами государственного кредита, который тоже приходил к концу. Пропивались последние закладные. Если бы этого не было, то никакие оккультно-спиритические шпионско-пятыколонные рыбаковско-головотяпские силы не могли бы сделать ничего.

Ларчик открывается довольно просто. Без спиритической помощи.

И. С.

бездомного, и успокоение обретшего свой дом... Родные, близкие, с в о и скромные главки храма высятся меж темных вершин кипарисов, и кажется, что не кипарисы это, а вековые ели заповедного бора. И меж ними — тихая пустынь, приют моленников за Землю Русскую, за ее страдников и мучеников, за ее ратников и пахарей, за вся и за всех, живот свой за нее положивших.

Проектировавший этот храм, акад. Шусев глубоко чувствовал религиозный строй русской души и умел выразить его направленно и характер в архитектурных формах. Веяние исконной, нерушимой Руси — Суздальской, Белозерской, Углицкой — охватывает пришедшего уже в воротах, таких, какие охраняли от суетного мира скитские пустынные старцы, тихие стражи святынь русской души.

Не перевелись они и теперь. Один из них — отец Андрей Канецкий, настоятель и хранитель храма Николы Русского в Бари. Он один, без помощи прихожан (в Бари нет русских, кроме него) сохранил в неприкосновенности и порядке этот воздвигнутый Государем храм и в годы Первой войны, и при фашизме, и в хаосе последовавших за его падением событий. Буквально нищенствуя и голодая цорю, он спас эту крупницу русской души, реально воплощенную под небом Италии Царственным Зиждителем храма сего.

Покойный Государь начал постройку храма в Бари незадолго до начала Первой войны. Успели выстроить лишь церковь и подворье, а внутренне изукрасить — лишь нижний, темный ее притвор. Но и здесь в каждой частице церковной утвари видна любящая рука Строителя храма. Небольшой иконостас с древними ликами святых, просиявших в Земле Русской, лампы, паникадила, даже свечной ящик и лавки у стен — все строго выдержано в подлинном древне-русском стиле, все — работы лучших художников-кустарей Палеха и Мстеры.

Верхняя большая церковь осталась без внутреннего убранства и так простояла 38 лет. Но за все эти годы отец Андрей не утратил стремления и воли к ее убранству, и довершению святого дела, начатого Царем-Мучеником. Теперь он осуществляет его: на собранные им средства он поставил уже основу иконостаса, который теперь безвозмездно расписывает приехавший из Парижа художник А. Бенуа.

В листе пожертвований — крупнейший вклад от Главы Династии, а рядом — россыпь мелких пожертвований от тех русских людей, что сквозь кровь, огонь и грохот войны прорвались сюда, под небо Италии, и здесь, вероятно, неожиданно для самих себя, нашли духовное успокоение, приют их истомленных сердец в храме, воздвигнутом Царственным Мучеником за

Владимир Рудинский

Правая и левая доктрина по национальному вопросу

За последнее время в русской печати уже больше чем достаточно говорилось о крахе СОНР-а, о его причинах, о выводах, которые из всего этого можно сделать, и тому подобное. Нам хотелось бы, однако, сейчас вернуться к этому вопросу с некоторой особой точки зрения. Известно, что конечная неудача оказалась обусловленной невозможностью сговориться между русскими и представителями национальных меньшинств России. Это положение вещей вызвало, можно думать, одинаковое разочарование у обеих сторон (чувства "Частного Комитета" нас в данный момент не интересуют). Но, может быть, никто еще не задумался над основной причиной неспособности русских представителей в СОНР-е найти выход из положения. Причина же, на наш взгляд, в том, что левые

Русскую Землю. Это — лепты на украшение храма, внесенные русскими дипийцами из бывших в Бари и соседнем Барлетто лагерей ИРО.

Последний Русский Царь — Глава Русской Царственной Династии — русские люди поработанной России... Единение в жертве. Разве это не символ?

Панихида окончена. Звучат славословия молебна, акафиста Заступнику Русской Земли, милостивому, родному ей Николе. Что из того, что в храме нас только двое, что горят перед ликами русских святителей только семь свечей, что тихо струится моление седого отца Андрея.

Я знаю, что "там" тысячи, миллионы русских сердец пламенеют и кровоточат тоже молитвой о Руси, о спасении ее, устремленную к тому же ее Святому Заступнику. Я знаю это!

И я верю, что настанет день, когда освобожденный из плена Великий Единый Российский Народ довершит строительство храма, над которым трудились и которому в жертву принесли свои жизни Мученик-Царь и Мученик Его Дед, — этот храм наречется Свободной Великой Единой Россией, умиротворенной, насыщенной, успокоенной и увенчанной всероссийским народным Монархом.

Верю или знаю?

И верю, и знаю. Вижу просветленными молитвой очами моей души, знаю из прожитого, пережитого, увиденного в ней, в поработанной, умученной ныне, но все же живой, сущей, сохранившей свою вечную душу России.

Борис Ширяев.

**

Тем русским людям, кому дорога память Царя-Мученика, кто хочет помочь завершению начатого Им святого дела построения храма Заступнику Земли Русской близ его святых мощей, сообщая адрес:

Padre A. Kaneczki

Chiesa russa

Corso Sicilia, 130, Bari, Italia

органически непригодны для правильного разрешения национального вопроса: такая задача могла бы быть по плечу только правым, которые были бы полностью на высоте блестящего наследия Российской Империи, правительство которой умело разрешать самые сложные конфликты.

Но что, собственно говоря, представляют собою все эти сторонники и руководители нерусских национальных групп России? Надо признаться, что для нас, русских, и для монархистов, боюсь, в особенности — все эта область есть самая настоящая terra incognita. Несколько больше мы знаем только о самой крикливой части местных националистов — о пресловутых украинских самостийниках.

Попробуем допустить, что на свете реально существуют честные и убежденные националисты из числа народов Кавказа, Поволжья, Средней Азии или Сибири, для которых судьба их племени имеет наибольшее, первостепенное значение. Какие задачи они должны себе ставить и какими методами они могли бы добиться своих целей? Попробуем поставить себя на их место и проникнуть в их психологию.

Первым, основным пунктом для каждого из них бесспорно должна быть забота о том, чтобы его народ не подвергся полному истреблению, или не исчез в результате вымирания. — а эта опасность для некоторых мелких национальностей существует самым наглядным образом. Другим опасением может быть страх перед ассимиляцией, перед утратой родного языка, веры, обычаев, перед превращением в русских. И лишь когда обе эти опасности в достаточной мере отведены, можно мечтать о национальной независимости и о завоеваниях. Но было бы безумием во имя этих последних, всегда неверных и проблематических планов ставить под непосредственную угрозу самое существование своего народа как этнического целого.

В самом деле, что бы произошло, если бы, скажем, казакские татары, усвоив до глубины идеологию галицийского типа, воспользовавшись каким-либо подходящим моментом, провозгласили бы свою национальную независимость и сопроводили бы ее резней русских, опять таки по классическим образцам Бендер и Ко.? Русский народ не питает вражды ни к одному из племен России; но вряд ли бы он смог остаться вполне равнодушным к подобному эксперименту. Слабость России, на которую делали бы ставку доморожденные политики, наверняка оказалась бы преходящей и кратковременной, и расплата для их соплеменников, вызвавших ненависть окружающих их многочисленных соседей, могла бы выйти очень тяжелой.

На территории СССР нет ни одного народа, который мог бы

без иностранной помощи выдерживать борьбу с русским; а насколько ненадежна иностранная поддержка — все мы неоднократно имели случай убедиться. Единственный мыслимый путь для националистов, не утративших расудка, есть борьба за культурную автономию — в которой им, собственно говоря, никогда в России не отказывали. Борьба против советского строя не есть ни в коей мере национальная борьба. Русские в ней играют и будут играть более важную — и уж во всяком случае не меньшую — роль, чем все другие народы. Советские не подавляют национальной культуры: они ее фальсифицируют. Но это относится в равной мере и к русской, и к грузинской, и к бурятской культуре. Они не истребляют отдельных племен: но все советские граждане помещены под совершенно непереносимый пресс, отнимающий у людей все радости, весь смысл жизни. Уничтожение большевизма вызовет вздох облегчения "от Перми до Тавриды". В дальнейшем мирное сотрудничество всех народов России, конечно, помогло бы им самым быстрым и наилучшим образом ликвидировать все раны, полученные в процессе контр-революции.

В рамках новой, несоветской России эти народы могли бы добиваться все более широкой автономии, и перед ними могли бы открыться интереснейшие горизонты. Во всяком случае им не грозили бы ни истребление, ни ассимиляция. Увлеченные же незадачливыми лидерами на путь кровавой и страшной междоусобной войны, все мелкие племена, с их небольшим общим числом и часто невысокой рождаемостью легко могут получить смертельный удар. При любом положении вещей, их потери оказались бы куда тяжелее, чем потери русского народа.

Федерацию, конечно, можно представлять себе весьма по-разному. Но на наш взгляд, история показывает, что самыми удачными были всегда монархические федерации.

В чем состоят правая и левая доктрины по национальному вопросу? Для правых подразумевается, что существует ряд наций, народов, каждый из которых в принципе имеет своего царя, короля, племенного вождя. Каждый гражданин должен в принципе быть верен своей стране и своему государю. Нормальная форма образования более широких формаций — вассальная зависимость, при которой местный вождь сохраняет более или менее полноту власти в своих пределах, подчиняясь во внешних делах своему сюзеру — царю, императору. Но даже если мы отбрасываем этот принцип, самое существование народа, с его языком, обычаями и традициями, принимается как нечто должное. Гарантией этого являлись в значительной степени местные сеньоры, обычно происходившие из данного же народа, а также местные административные органы, как известно достигшие в западной Европе высокого развития и обладавшие широ-

кой самостоятельностью: вспомним французские провинциальные парламенты, испанские фуэросы. Подобным отношением объясняется тот факт, что позже, в момент революций, национальные меньшинства очень часто оказывались опорой трона; такова была роль боснийцев и бана Елачича в Австро-Венгрии, лужичан в Саксонии во время революции 1848-го года.

Для левых, наоборот, все нации есть нечто временное, некий упадок, нечто нежелательное; в принципе всякий человек — гражданин мира; рано или поздно национальные различия должны исчезнуть — как и все вообще различия между людьми: классовые, идеологические, психологические; все должны быть приведены к одному знаменателю — и все мы обязаны стараться ускорить этот процесс. Различия языков есть препятствие для распространения и унификации культуры; различия религий недопустимо, ибо религии вообще — тама невежества и все должны исчезнуть. Отсюда яростная борьба с местными культурами, начавшаяся повсеместно именно после французской революции. Были образцы и прежде: Англия вообще вела себя в Ирландии чудовищно, но никогда ее действия не были столь ужасны как при диктатуре Кромвеля. Предметом гордости французской республики является истребление бретонского языка, в средневековье игравшего роль не меньшую, чем французский. Впрочем, бретонцы для левых были особенно ненавистны, по вполне понятным причинам: Бретань в эпоху революции явилась опорой шуанов; из нее происходили такие роялисты, как Жорж Кадудаль, о котором, полагаю, ни один искренний монархист не может читать без восхищения.

Парадоксальным образом, борьба за политическую независимость может иногда сочетаться с национальной деградацией. Так, история свидетельствует, что Даниэль О'Коннель, герой эмансипации католиков в Ирландии, стоял в то же время за переход ирландцев к английскому языку — с последствиями чего нынешняя независимая Эйре старается покончить. Это только один из примеров того, как даже самые выдающиеся люди, если они отравлены комплексом "прогрессивных" идей не могут по настоящему служить своему народу.

Ограничимся примером из общеизвестной истории Европы, хотя если бы мы разобрали все что происходит теперь в Индии или Индонезии, мы легко могли бы убедиться, что и тут насильственно привитый здоровым расам яд "либеральных идей" дает самые абсурдные и отрицательные результаты.

Европейские колонизаторы, разрушая туземные монархии не только лишали местное население его моральной и организационной опоры, но и для самих себя часто готовили неприятные последствия. Тот факт, что коммунистическая пропаганда теперь стала успешна в Азии, бесспорно в значительной степени

объясняется разрушением в ней традиционных форм и исчезновением национальных династий под ударами "заморских дьяволов".

Мы все хорошо знаем, к какой кровавой трагедии, к какому безвыходному тупику привело Россию поклонение западу и попытки усвоить европейские социальные теории; сохрани нас Бог пытаться теперь копировать идеи западных демократий в сфере национального вопроса. Наши собственные достижения в виде создания сильного государства и охраны человеческих прав неизмеримо выше; на советской России нет ничего подобного, скажем, истреблению индейцев в Америке. Все, что нам нужно — это знать нашу историческую традицию и следовать ей, не пытаясь щеголять ультра-левыми, обычно довольно бессмысленными словечками и не впадая в шовинизм органически чуждый русскому характеру.

В рамках монархии можно идеально разрешить национальный вопрос. Может быть, это будет сделано, вернее начнет делаться только после восстановления монархии в России, после неизбежных жертв переходного периода. Но было бы хорошо, если бы уже и сейчас в эмиграции русские монархисты уделили больше внимания этому вопросу и работали бы его хотя бы в своей среде. Еще лучше было бы, если бы мы могли в здоровой обстановке — без приказов дающих деньги американских комитетов — обсудить эти проблемы с искренними и здравомыслящими представителями национальностей России. Не с такими, единственной жадой которых, судя по их собственным непрерывным высказываниям, является резать москалей и жечь Москву — с какими какой может быть разговор? И не с такими для кого отделение от России есть первое и непеременимое условие, гораздо более важное, чем благосостояние, культурный уровень и самое существование их народов. Но с такими, которых в самом деле беспокоит и занимает вопрос о том, как обеспечить сохранение культуры, религии, языка своего народа, как способствовать повышению его материального уровня, увеличению его численности, развитию науки и литературы в присущих ему формах и на родном для него языке — с ними нам действительно было бы интересно встретиться, и мы уверены, что по всем вопросам оказалось бы очень легко договориться.

Ибо у правителей Российской Империи не было другого желания как счастья и процветания всех ее подданных, независимо от веры, цвета кожи и наречия; этому же принципу должны следовать и мы, стремящиеся к тому, чтобы кровавое пятно на карте мира под абсурдным названием "СССР" вновь превратилось в великую и могучую державу, возглавляемую монархом грозным только для врагов, но правящим над подданными в духе отеческой любви и равной для всех справедливости.

Владимир Рудинский

МИТРОПОЛИТ АНАСТАСИЙ У АДМ. А. КЭРКА

2 июля с. г. Его Высокопреосвященство Митрополит Анастасий, в сопровождении отца протоиерея Георгия Граббе, посетил адмирала Алана Г. Кэрка, председателя Американского Комитета Освобождения Народов России.

Его Высокопреосвященство и адмирал имели долгую и дружескую беседу по интересующим их обоим вопросам.

От Редакции:

Серия статей Б. БАШИЛОВА о "МОРЛОКАХ ИЛИ РУССКИХ ЛЮДЯХ" вызвала в ответ три статьи редактора "Нового Русского Слова" М. Вейнбаума.

По этому поводу в ближайших номерах "Нашей Страны" будет помещена статья Б. БАШИЛОВА и комментарии к этой дискуссии И. СОЛОНЕВИЧА.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ Часть II — Дух Народа.

Вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей "Нашей Страны" и в лучших книжных магазинах Зарубежья.

Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

"НАША СТРАНА" — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

Р О З Ы С К И

ЮНКЕРОВ КОНСТАНТИНОВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА (Киевского) периода Гражданской войны на Юге России (Екатеринодар-Феодосия-Галлиполи-Болгария) просит откликнуться 2ой роты Ст. Португел-юнкер Анатолий НАВРОЦКИЙ — по адресу:

Sr. A. Navrotzky,
Calle Belgrano 151,
Villa Ballester, FCNGBM
Argentina

Николай Николаевич ДАНИЛОВИЧ просит Нину Васильевну, Вадима Платоновича и Светланочку НЕЧВОЛОДОВЫХ откликнуться по адресу:

Mr. N. Danilowitsch
7 North Str. Glen Cove
L. J., N. Y., USA.

Павел Иванович ВОЛОСЕЦКИЙ просит родственников, находящихся по слухам, в Парагвае, откликнуться по адресу:

Mr. P. Volossetzki
16, rue Lamartine
Le Creusot (S. et L.) France

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ТРЕСКИН

корнет Митавских гусар скончался после тяжелой болезни, на 50 году жизни, 19 июня 1952 года, в Париже, где и погребен, о чем извещает брат Сергей Трескин.

А. Орлов

Исповедь одного русского

I

...Всматриваясь в расщелины квартала, в ожидании — вот-вот появятся немцы, старшина выбрал дом для укрытия. Это был гранитный особняк с мраморными высокими ступенями. Сухие листья успокаивающе покрывали ступени, чуть шелестя на ветру. Во дворе, как на кладбище, полудлежали обомшелые бюсты и памятники. На вышке дома, возле почерневшего бронзового креста, лепилась зенитка. Десятилетиями в этом памятном каждому моряку доме помещался Морской музей. Все семеро молча перебежали под его покойные, глухие и, казалось, нерушимые своды.

Вбежав в дом, в сумрак, струившийся из овальных, похожих на амбразуры, окон, старшина увидел на изразцовом полу трупы бойцов и тут же на стене большое, выпуклое, как слепок, изображение битвы: француз, раскинувшийся у орудия, казался похожим на убитого возле картины красноармейца. И решив, что вот так во все века, люди умирают одинаково, старшина, приблизившись к картине, снял фуражку. Ему представилось, что надо бы запретить здесь укрепляться и отсюда вести огонь, что место это должно быть обойдено войной; большое лицо его с пыльными кругами под глазами, дрогнуло, потеплело. Но трупы бойцов, ящики, расколотые минами и полотняный оборот сорванных картин возвращали его к недавнему здесь бою. Отгоняя мысли о картинах, словно боясь в них подвоха, старшина посуровевшим голосом скомандовал:

—А ну, быстро, загораживать вход!

И сам, не глядя на своих, не менее смущенных товарищей, поволок к дверям какой-то полупустой дребезжащий шкаф.

Они перетаскивали в сторону трупы и хотели было вынести и картины, но старшина велел сперва сложить к окну ящики и установить на них найденный здесь пулемет. Достав из угла один из ящиков, старшина обнаружил в нем мундир Нахимова, пыльно-серый с твердыми полами, с пуговицами мутно-желтыми, как риза икон. Этикетка, пришитая к мундиру говорила о его владельце. И опять старшина смуглился, как только что, стоя перед картиной.

Держа в руках этот сверток сукна, старшина отошел от товарищей, чтобы уединившись решить, что с ним делать. И хотя он знал, что медлить нельзя — подбегут немцы, бросят гранату и погибнет он с товарищами, даже не приняв боя, — но решить, что делать с сукном, иначе, как наедине, он сейчас не мог...

И он придумал: оторвал от полы лоскуток, чуть больше наградной ленточки к медали, и прикрепил к своей груди. В этом лоскутке он, как ему казалось, выразил свое отношение к тому, что ждет их семерых в этом до-

ме, отданном во власть случая и теперь перешедшем к ним, и ему показалось, что эта Нахимовская суконка поможет напоследок отвоеваться.

Он позвал товарищей и оглядывая их проясненными, полными ласки и горя глазами, показал им свою находку, потом он отрывал лоскуток за лоскутком и вручал каждому, приговаривая: —Носи. Это, может, не меньше ордена.

И передав последнему, старшина доверительно сказал, вздохнув:

—Ну вот, так, гляди, и воевать легче.

Время шло, но никто из немцев, занявших город, не подходил к зданию, где залегли моряки. Может быть потому, что зарево пожара все плотнее затягивало соседний квартал и надо было пробиваться сюда через огонь. Может быть, потому, что враг уже побывал в этом доме и не предполагал, что в нем снова русские...

II

Немцы, после ожесточенного боя, захватившие в Севастополе здание Морского Музея, не подозревали, что в музее находятся снова русские. Так же, как не подозревали найти русских вообще в СССР. Убаюканные собственной пропагандой, они ожидали встретить стада озверевших рабов, которых легко обмануть и которым нет никакого дела до родины. Но немцы глубоко просчитались. Как глубоко просчитаются все, которые попытаются пойти по их нечистому пути, стараясь под видом борьбы с большевизмом поработить Россию.

Откуда, из какого произведения взят приведенный выше отрывок? Он взят из повести Б. Вадецкого "Романтики", изображающий войну с немцами в Крыму и на Кавказе. Что это, лжеромантическое изображение несуществующих русских патриотов, во исполнение приказа сталинской пропаганды? Или это отражение одного из случаев бывших во время Второй Отечественной войны, который произошел, если и не в точности так, но мог бы произойти и так. Я сам участвовал во Второй Мировой войне, которая, конечно, была Второй Отечественной войной, а не войной за славного старого Джо и думаю, что Вадецкий описывает случай, который был в действительности.

Но оставим повесть Вадецкого "Романтики", допустим, что Вадецкий написал то, что ему приказали, и обратимся за доказательствами к эмигрантской прессе.

Прочитав повесть "Романтики", я начал просматривать эмигрантские журналы и газеты, и гораздо быстрее, чем мог ожидать, нашел нужные доказательства. Нашел я их в недавно начавшем выходить в Австралии, в Сиднее, журнале "Русский в Австралии". В № 13 и 14 этого журнала, я обнаружил статью В. К.

Федонюка, под заглавием "Исповедь одного русского".

В обширной статье, напечатанной в двух номерах журнала. В. К. Федонюк, морской офицер, активный участник последней войны, бесхитростно, но очень ярко, излагает свои переживания и свои настроения до войны, во время войны и после войны.

"Началась война, пишет В. К. Федонюк. "В это время я был уже офицером и командовал небольшим кораблем, входящим в состав Черноморского флота. Война застала меня в городе Измаиле на Дунае. Мне пришлось видеть, как в первые месяцы войны массы солдат, состоящих из русских, украинцев, узбеков и представителей других национальностей, населяющих нашу страну, переходили на сторону врага, а бывая в глубоких разведках, я видел, что и население встречает немецкую армию, как избавителей. Немцы не оправдали надежд наших народов и после первой растерянности, русские, украинцы и узбеки поняли, что фашистская Германия не друг, а враг России.

На моем корабле была команда, состоящая из многих национальностей: русские, украинцы, грузины, армяне, крымские греки, башкиры и даже один цыган, представляли свои народы в нашей маленькой семье. Эта семья была спаяна любовью к Родине и ненавистью к врагу, стремившемуся ее поработить и разделить.

Мой корабль выполнял различные задания: самым обыденным были высадки в тылах противника, захват "языков" и диверсионные десанты. Опасность стерегла нас на каждом шагу, который мы делали по земле, занятой врагом. Несмотря на это, все мои подчиненные рвались в бой и мне пришлось приказом установить очередность участия в высадках.

Погиб корабль. Во время его гибели украинец М. Коваль, рискуя жизнью, бросился спасать русского Молофеева; когда я уходил на сухопутный фронт, то все моряки, оставшиеся в живых после гибели корабля, добровольно вызвались итти со мной — русским офицером.

На фронте я командовал уже двумя с половиной сотнями матросов разных национальностей. Много пришлось нам пережить: тяжелые бои за Крым, рейды по тылам врага, десанты. Был случай, когда мы перешли в брод Сиваш и ворвавшись между двух линий обороны немцев, четыре дня и четыре ночи отражали упорные атаки врага. Необходимо напомнить, что эпизод этот произошел зимой в феврале месяце, в период морозов и снежных мятежей. Я всегда всем матросам верил одинаково и все они оправдывали мое доверие. Несмотря на тяготы боевой жизни и опасности, между нами не было никакой национальной розни, все мы были русскими и сражались за нашу Родину. Многих бойцов потерял я в боях, некоторые умерли у меня на руках и от большинства погибших мы слышали последние слова, которые можно обобщить короткой фразой: "умираю за Россию!"

Сталин и его банда отошли на второй план. Мы о них старались не думать, перед нами был враг, а за нами Родина, которую враг стремился уничтожить и перечеркнуть ее историю. В то же время, советская пропаганда давала нам понять, что правительство оценило наши жертвы и обещает после войны эволюцию в сторону старого дореволюционного. Нам не во что было верить и мы верили в эти обещания...

В другом номере журнала "Русский в Австралии" В. К. Федонюк, покинувший СССР уже после войны в 46-м году, пишет:

"...В 1942 году во время последнего штурма Севастополя, шесть рядовых матросов привязали к поясам последние гранаты и легли под немецкие танки. Среди этих героев были украинцы: Дымура, Милющенко, Куличенко. Эти украинцы погибли с русскими, защищая не только Украину, но всю Россию, ибо Крым это не Украина..."

Также не помышляют о разделе России ни те украинцы, ни те грузины, которые находятся сегодня по ту сторону советской границы и ни тот украинец Дашченко, который спас мне жизнь и вынес раненого из расположения врага. Раздела России хотят международные авантюристы, которым хочется сделать карьеру и играть какую то роль.

Бывшие в Берлине видели, я пишу, русскую армию, которая изгнала врага из России и заняла Берлин. Эта армия победила не благодаря умению своих полководцев, — она утопила врага в собственной крови, тысячи солдат этой армии закрывали там своими телами амбразуры дотов, совершали героические поступки.

В этой армии были представители всех национальностей, ими руководила не любовь к советскому правительству, а любовь к Родине, именуемой Россия. Эта армия доказала, что народы нашей страны едины и дружны, единство наших народов подписано кровью и дружба испытана смертью, что значит в сравнении с этим злостное шипение и клевета международных бродяг — неудачников?..."

"...Судьбу России будут решать ее народы, предки которых ее создали, обагрили собственной кровью и потом. Судьбу России будут решать те, кто зачатую не знает истории страны, чей кругозор ограничен пределами областей, те, которые не умеют красиво говорить и писать утопических деклараций, но зато строят фабрики и заводы страны, работают на них, обрабатывают поля и кормят страну, а в тяжелый для нее момент, сознательно и без жестов умирают за Матушку Россию..."

"Россия создавалась нашими предками, в ней каждая пядь земли обагрена нашей кровью, Россия выстрадана нашими народами, вплоть до современного поколения, и мы хотим видеть нашу Матушку Русь такой, какой она была раньше.

Я живой свидетель минувшей войны, и в моей памяти свежи эпизоды, подтверждающие то,

Б. Ликов.

Снова на Родине

(Продолжение)

...6 февраля. Наконец, телефонный звонок из бригады: "Немедленно приготовиться к эвакуации". .. Медленно тянутся часы. Холодно толкаться у машины, снова собираемся в нашей комнате. Теперь в ней неуютно. Кругом разбросаны доски, койки без матрасов. На полу солома, газеты. Начальство распорядилось выдать желающим по бутылке вина, конечно, за деньги. Подоспел и суп. Бутаровский откуда то выкопал соленых огурцов. Еще раз поедем по человечески. Рудевич по обыкновению суетится и нервничает, поминутно вступает в спор. Он возбужден больше всех, но старается доказать, что он старый кавалерист и привык к боевой обстановке.

Он собрал несколько человек возле своей койки и затянул добровольческую песню. Бельгийцы хмурятся и молчат. Боевое возбуждение русских их пугает и злит.

Неволью вспоминаю времена Доброармии. В минуты опасности у меня всегда бывало одно и то же настроение, совсем как в разгар футбольного матча. Скрытое возбуждение и ясность каждого движения. Слово: почему? не существует, но где-то в подсознании устанавливается неуловимая нить, решений и действий. 25 лет тому назад была молодость, патриотический подъем, вокруг были свои, старшие начальники. Сейчас ничего этого нет. Иногда в голове проносится тревожная мысль: попасть живым в руки красных?

Странно и ненужно звучат слова:

— Сумеет честь мы отстоять
Иль умереть со славой!...

Какую честь — немецкую? Все изменилось. Даже геройство наше никому не нужно. Едва ли немцы дадут оружие нам в руки. Сейчас даже смерть для нас не самый худший выход.

Уже начинает смеркаться. Долгожданный телефонный звонок.

... что народы России едины и о разделе не думают... "

**

Так пишет Виктор Федонюк, родившийся в 1914 году, всю сознательную жизнь проживший при Советской власти. Исповедь Виктора Федонюка есть лучший ответ на вопросы, поставленные Михаилом Прокопом в его письме, напечатанном в № 127 "Нашей Страны". Также как Виктор Федонюк, думаю я, также думает и большинство нашего народа, живущего сейчас под властью большевиков. И как стыдно после письма Михаила Прокопа и после исповеди Виктора Федонюка, читать декларации наших престарелых эмигрантских политиканов, уныло бубнящих о праве народов России самоопределяться и разбегаться во все стороны.

А. Орлов.

Торопливым шагом входит Вайнерт.

— Все по местам, через четверть часа уходим.

Звенят котелки, ложки, последний взгляд на пустые койки, все спешат к выходу. Поднимаемся в машину. Каждый знает свое место.

Чувствую, как качнулась машина и тихо поплыла по мягкому снегу.

По шуму и крикам снаружи догадываюсь, что мы миновали Старо-Московскую, въехали в город. Все оживленнее голоса, крики, ругань, гудки автомобилей. Часто останавливаемся. Поднимаемся в гору, знатоки Харькова объявляют: Холодная гора. Не проехали и ста метров — остановка. Шоффер стучит кулаком в дверь: "Всем выходить! Мотор не берет на подъем". Один за другим соскакиваем на снег. Чудный санный путь. По широкой дороге в три ряда идут вереницы машин, саней, повозок.

В тумане падающего снега, движутся темные силуэты. Тускло светят огни. Все движется рядами, насадая друг над друга. Мы идем пешком, упершись плечом в перекладину грузовика. В толпе, среди криков очередной аварии, мелькают фигуры военной полиции. На мгновение, в свете автомобильных огней мелькают взволнованные лица. То там, то здесь, возникают ссоры. Тяжело дышат лошади. Чуть только замедляем ход, сзади гудки, грубые крики. Иногда встречная машина вдруг забирает влево, в самую гущу людей и лошадей. Кажется, все смешалось. Танки лезут в самые морды лошадям, колеса задевают за оглобли саней. Меня охватывает тревога, если все дороги от Харькова подобны нашей, мы далеко не уедем.

Наша огромная машина занимает много места. Сзади нас все чаще слышатся угрожающие крики. Мы знаем, что это значит. В стороне, в сугробах, лежат машины неудачников. Животный страх не знает жалости. Наш мотор работает плохо. Колеса скользят. Цепь противоснежная у нас только одна, и та надета неумело, но поправлять нет времени.

Нервность толпы еще больше увеличилась, когда завывали сирены и сзади, на Холодной горе стали падать бомбы, подгоняя обезумевших людей.

В темноте неба, над головой стучат пулеметы. Лошади тянут в стороны. Люди суетятся в отчаянии. Все это я вижу в небольшом квадрате десяти—пятнадцати метров, дальше шум и крики теснут во мгле падающего снега, и наступающей ночи.

Как только подъем уменьшается, мотор начинает работать нормально. Возвращаемся в машину.

Только задремлешь в неудобной позе, стук в дверь: "Всем выходить!" Лезешь, спотыкаешься через горы чемоданов, мешков, прыгаешь в темноту, в снег. Только снег хрустит под нога-

ми... И странное дело, в самую тяжелую минуту, когда уже дыхания не хватает в груди, — ловлю себя на мысли:

"Я иду по русской земле, снег скрипит, чудесная зима, русская зима"...

И я невольно улыбаюсь в темноте... Падают хлопья снега, луна стремительно летит навстречу облакам.

Мы повернули на проселочную дорогу. Постепенно утихают голоса.

Откидываем снег лопатами. Снова идем пешком, толкая машину. Еще последнее усилие и, наконец, перевал. Весело пошли под гору.

Но не больше часа мы отдыхали и грелись внутри машины, потом посыпались несчастья: прекратилась подача бензина, обнаружили потерю цепи против скольжения. Дорога обледенела, колеса вращаются, а машина стоит на месте. Подкладываем под колеса мешки, одеяла, матрасы.

Люди измучены. После бессонной ночи, все понуро сидят на своих вещах. От тряски чемоданы, мешки сбились в кучу, вещи сумки лежат в проходах, на полу, по ним ходят мокрыми сапогами.

К обеду добрались до Ахтырки, сто километров от Харькова. Остановились на базарной площади, в большом, пустом доме. Над дверью вывеска: БУФЕТ. Напротив, через улицу солдатенгайм. Наконец-то, обогреемся и посидим по человечески. Как как протиснулись. Народу много: немцы, румыны, итальянцы, болгары. Мимо окон, по улице беспрерывно идут машины, занесенные снегом. Все спешат добраться до горячего супа. Итальянские части имеют еще более жалкую картину, чем в Харькове. Ослы, запряженные в сани, медленно везут больных людей с отмороженными ногами и руками.

Два часа пришлось ожидать очереди на тарелку супа. Сидящие рядом с нами солдаты, усталые, грязные, небритые. Немцы еще держатся бодро.

Напротив меня сел немецкий унтер-офицер — танкист, с энергичным и симпатичным лицом. Высокий лоб, серые ясные глаза. Держится с достоинством. Немного говорит по русски. Рядом с ним, направо от меня, на углу стола пристроился чернявый итальянец, с живым плутоватым лицом. Свое обмундирование: сумку, винтовку, мешок, он беззаботно свалил в угол, и ни разу на них не взглянул. Итальянец, тоже немного объясняется по русски.

Танкист с улыбкой слушает болтовню итальянца и в его взгляде чуть заметна ирония, но настроен он благодушно.

— Да, да, — говорит немец. — Вы, итальянцы, очень хорошо это... — он делает руками жест, точно что то отвинчивает: — Курочки, уточки, раз — и нету, яички, хорошие яички, а вот на фронте не хорошо, этого вы не любите.

Итальянец смеется и возбужденно начинает объяснять, как он отрывал головы курам.

Немец смотрит в упор, внимательно, с любопытством.

Но итальянец уже перескочил на музыку. Пропел две, три арии из Севильского цирюльника, между шутками и разговорами съел три тарелки супа, хотя по закону разрешается одна, выпил три стакана пива, подмигивая барышне, расплатился и забрав в охапку свой багаж, и винтовку, приплясывая, скрылся за дверью.

Немец съел одну тарелку супа, выпил чашку кофе, закурил папиросу, затянул свой шлем с наушниками и спокойно пошел к своему танку.

Он с колонной СС шел на защиту Харькова.

**

...Прислуга Солдатенгейма — русские девушки. Многие уже говорят по-немецки. Все чисто одеты. Белые блузки с вышитыми рукавами, в сапожках. Живые, энергичные, приветливые.

Обогрившись и съев по тарелке супа, мы перебрались в наше новое помещение.

Это помещение когда то служило залой буфета. Огромная, пустая и холодная комната. На голых цементных стенах, кора льда. Тюк соломы, тоже промерзший. Окна и двери, выходящие на улицу, забиты досками.

Подбросили дров в печку, зажгли керосиновые лампы и стали укладываться на ночлег.

...Нас подняли в 6 часов. Стали готовиться к отъезду. Вайнерт пошел добывать бензин.

В три часа возвратился Вайнерт и мрачно приказал перенести вещи назад в помещение. Бензина нет. Ночевать будем в Ахтырке. Мы уже привыкли ко всяким неожиданностям. Снова принесли солому, дрова. В миг разложили матрасы и мешки. Затопили печь. Отъезд назначен на утро. В городе носится слух, что Харьков уже окружен. и дорога на Полтаву под угрозой. Начальство хмурится.

Стемнело. При тусклом свете керосиновых ламп, темные фигуры у стойки напоминают парижское бистро в рабочем квартале. Кой у кого еще хватает сил шутить и смеяться.

— Гарсон! — кричит парижанин Вотье.

Утром базарные лотки ожили. Сошлись торговки, мужчин почти не видно. Полушубки, вязаные платки, меховые рукавицы, валенки, редко сапоги, много ребят, в руках кошелки, прикрытые сверху тряпицей.

Мне было любопытно узнать, чем они торгуют. Я ходил по рядам, прислушивался, приглядывался и все хотел разглядеть их товар. Кое-где на прилавке я видел всякого рода безделушки: тряпичные куклы из разноцветных лоскутков, рядом с ними стояли две, три бутылки в четверть литра с прозрачной, желтоватой жидкостью, подсолнечное масло, решил я. На некоторых лотках лежали грязные, серые куски неочищенной соли. На земле, на газете лежали небольшие кучки какой-то белой пудры, не то мел, не то алебастр, может быть, карбид. Я слышал, что в деревнях освещают избы карбидом. Вот и весь товар, лежа-

ший на виду, остальное было припрятано в кошелках.

Я пытался выяснить содержание кошелок. Обращался к торговкам, нет ли у них сала или колбасы?

—О, какое там сало, мы сами давно его не видели.

Я следил за толпой. Соберется несколько человек, в тесный кружок, о чем то оживленно поговорят, вполголоса, приоткроют свои кошелки и как будто ничего не купив и не продав, разойдутся в разные стороны. Говорили все, как то странно тихо. Не было обычных базарных выкриков, зазывания покупателей. Я видел, как люди двигались, жестикулировали, иногда даже сердито бранились и размахивали руками, а голосов не было, точно вся площадь двигалась под стеклянным колпаком. Я знал, что этот реально осязаемый гнет власти охватывает все общественные и даже личные уголки жизни. И хотя в городах, занятых немцами, этот гнет не существовал, люди продолжали жить в какой то странной и таинственной обстановке постоянного присутствия этой злой воли. Это было нечто вроде массовой мании преследования, которая по-

терев болезненный оттенок панического страха, превратилась в повседневную и ежеминутную привычку.

Несколько позже крестьянка объяснила мне, что сало продавать запрещалось. Крестьяне деньги вообще принимают с неохотой, предпочитая товарообмен. Часто меня и моих друзей спрашивали, не хотим ли мы обменять советские рубли на марки? Мы охотно это делали. Народ уже ждет красных. Крестьяне проходя мимо немецких солдат тихо говорили: "Пан, нет сахара? Пан, нет спичек? Иголок, ниток?"... Некоторые бельгийцы продавали часы за 200—300 марок, старые брюки за 100 марок. Катушка ниток: 10 марок. Цены эти твердо установились по всем деревням. Часто крестьяне останавливали нас и тихо просили хлеба.

**

...Снег продолжает идти, окутывая белой пеленой двигающиеся по дороге машины. Идут без конца измученные итальянцы. Черные бороды, южные, загорелые лица, особенно четко и странно мелькают на фоне снега.

Навстречу им беззвучно скользят белые машины СС.

Мы с тревогой глядим на падающий снег. Сугробы вдоль заборов растут на наших глазах. В открытом поле сейчас не весело. Машины идут тяжело. Артиллерия не успевают чистить дороги.

Наше начальство ломает голову, как достать бензин.

Вайнерт придумал такой способ: установить на перекрестке дорог и на нашем доме плакаты с надписью: ЦЕНТР СВЯЗИ. Он надеется, что к нам могут захватить поврежденные машины и за починку заплатят нам бензином.

Я обратил внимание, что за нами кто-то следит. Два раза я заметил, как из за угла выглянул человек и спрятался. Я решил проверить. Я пошел на него и завернув за угол столкнулся с ним нос к носу. Это был небольшого роста уже пожилой человек, с подстриженной седеющей бородкой. Он сделал попытку уклониться от встречи, разглядывая что-то за забором. Но я подошел к нему.

—Вы кого-то ждете?

—А, вы говорите по русски? — его лицо осветилось радостью. — В вашей группе есть высокий господин, в сапогах, в меховой шапке...

—Николай Иванович Казаков?

—Я не знаю его имени. Видите ли, он взял письмо к моему сыну в Берлин, сына моего немцы забрали. Так вот моя жена, — он смущенно вытащил из кармана маленький сверточек, завернутый в тряпицу: — приготовила кусочек масла. Передайте, пожалуйста, вашему приятелю.

—Подождите минутку, я сейчас позову Николая Ивановича.

Через несколько минут я вернулся с Николаем Ивановичем.

—Ну что вы! — решительно заговорил Николай Иванович. — Какие там благодарности. Будьте покойны, обязательно перешлю письмо сыну, как только попадем в Германию.

Старичок пытался настаивать, но Николай Иванович только замахал руками и ушел.

Когда я через час проходил по двору, я увидел, что старичок все еще стоит за углом и делает мне знак рукой. Я подошел к нему.

—Не отказывайтесь, возьмите кусочек масла. Если Николай Иванович не хочет, возьмите вы. Хорошее масло, жена лучший кусочек прислала!

—Ну, хорошо, с условием, что и вы не откажетесь от кусочка масла и катушки ниток.

Б. Ликов.

Глеб Томилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

Мистер Паркер изумленно поднял брови.

—Мы в Америке, действительно, опасаемся, что война будет тяжелой и дорогой. Но мы не сомневаемся в победе свободы над рабством.

—А я сомневаюсь, — сказал Валерий Михайлович. — Германия оба раза тоже не сомневалась, а у нее были для этого большие основания, чем у Америки. Наша интеллигенция, которая работала для революции — тоже не сомневалась. А она состояла из наиболее культурных и наиболее честных людей не только России, а всего мира.

—Мне это очень удивительно слышать такие мысли именно от вас.

—В мире много удивительных вещей. Разве не удивительно, что мистер Паркер, отправляясь в СССР на поиски господина Светлова, нашел его вот здесь, в доме Еремея Павловича Дубина. Но, все таки, это были наиболее культурные и наиболее честные люди мира. Они знали всю человеческую историю — поскольку человек вообще может ее знать, и они жертвовали собой, — эгоистических мотивов у них во всяком случае не было. И они ошиблись более катастрофически, чем оба раза ошиблась Германия.

—Эх, жаль, что отца Паисия тут нет, — вмешался Еремей Павлович, — он бы все это разъяснил.

—Ну эти разъяснения мы уже слышали, — сказал Потапыч: — молись и постись и что там еще?

—А, вот, отец Паисий всегда говорит: "мудрость человеческая

есть безумие перед Господом" — вот и намудрили наши мудрецы. Потому что, если образованность без Бога, так она только дьяволу потеха.

—Совершенно верно, — подтвердил Валерий Михайлович. — Я все таки вернусь к вашему утверждению о пяти годах: этого не знает никто. Я не знаю, будем ли мы с вами завтра живы. Я не знаю, удастся ли нам, если мы останемся живы, нейтрализовать, хотя бы частично советские атомные достижения. И я, наконец, не знаю еще одного: в 1945 году, когда уже почти вся Германия была занята неприятелем, никакой паники в Германии не было. Можете ли вы, мистер Паркер, говоря по совести, гарантировать, что гибель двух, трех американских городов не вызовет паники в Америке?

Валерий Михайлович повернулся на своем стуле и посмотрел на мистера Паркера в упор. Мистер Паркер отхлебнул из рюмки, поставил ее обратно на стол и после минутного раздумья сказал:

—Нет, господин Светлов, говоря по совести, я этого гарантировать не могу.

—Ну, вот видите. А именно это решает все. И именно поэтому мы должны сделать все.

—Что — все?

—По поводу атомных лабораторий. Об этом мы, впрочем, поговорим завтра — сегодня, я надеюсь, бомб на нас бросать еще не будут. А за завтра я уже не ручаюсь. Эх, напрасно вы, Еремей Павлович, пристукнули этого Бермана!

—Как это напрасно, — такого гада?

—Гад или не гад, — а напрасно. На него я мог оказывать давление. Сейчас и он и Медведев ранены. Из Москвы приплот кого то другого и на него я уж никак давить не смогу. Но во всяком случае, о его планах я буду знать более или менее заблаговременно.

Мистер Паркер еще раз отхлебнул из своей рюмки.

—Я думаю, что вы все таки удивительная страна. Вы все говорите о вещах, которые не имеют никакого практического значения. Конечно, и в Америке может быть паника, но она может быть и в России, кроме того, против коммунизма выступает весь свободный и организованный мир.

—О степени его организации, может быть, лучше не спорить. Но о степени организации коммунизма спорить, по всей вероятности, нельзя. Я только хотел сказать, что в данных условиях нужно бороться, но предвидеть победы нельзя никак... Я ехал в Сибирь из Москвы в одну из очень скрытых атомных лабораторий. Совершенно случайно я был в Москве опознан, и ко мне приставили трех филеров, — я их по дороге ликвидировал всех. Но дальше ехать было, конечно, невозможно: меня бы арестовали в том же Неелове и ко мне применили бы все методы допроса. Повидимому, есть методы, которых не может выдержать никакой человек. Я слез на более или менее первой станции, я случайно два раза не застрелил вот этого самого Потапыча, совершенно случайно встретился с ним в тайге, исключительно из-за его жены мы двинулись дальше вместе, — ну остальное вы знаете. А ваша встреча с Еремей Павловичем в кабинете следователя?

—Вы, господин Светлов, наполняете весь мир случайностями.

—Человек, — пастырским тоном сказал Валерий Михайлович, — подобен мореплавателю, который случайно наткнется на попутный ветер, так же случайно — на противный ветер, но который все таки держит свой курс на известный порт. Число случайностей в мореплавании все уменьшается. Случайно благодатный мир, каким является ваша страна, сильно ограничил число случайностей. Но когда благополучие или нарушается или даже рушится, когда подымаются силы хаоса, тогда случайность приобретает доминирующее значение... Вот, как это случилось со всеми нами.

Валерий Михайлович сам налил себе еще рюмку старки, выпил ее и продолжал почти патетическим тоном.

—Мы, — русская интеллигенция, всю нашу жизнь занимались разложением и духа и материи — разгадали и государственность и религию, разгадали и молекулы и атомы. Мы подожгли социальный пожар в человечестве и еще неизвестно, не станем ли мы инициаторами и атомного пожара вселенной... Нет никакой гарантии, что коммунизм не захватит всего мира и нет никакой гарантии, что в какой то атомной лаборатории какой то очень удачный эксперимент не взорвет всего миропути. И вы — тоже. Нам необходимо вернуться назад по тому же пути и искать какие то новые дороги. Материалистическая цивилизация дошла до тупика.

—Ну, тут уж ничего не понять, — пожал плечами Еремей Павлович, — главное надо советчиков скворчнуть, а какие там пожары?

—Мы, в Америке, — сказал м-р Паркер, — интересуемся вопросами, имеющими практическое значение. У вас в России этого, кажется, нет.

DOS FECHAS HERMANADAS EN LA HISTORIA ARGENTINA

El 9 de julio de 1816 tenía efecto, en la ya secular casa de Tucumán, la declaración de la independencia de las Provincias Unidas, que pasaban, en aquel entonces, por momentos cruciales de su existencia. El hecho, además de su valor inestimable, en las conciencias y en los espíritus, refirmó la voluntad de lucha de los pueblos del Río de la Plata y del interior del país y acrecentó su patrimonio y su fe en los destinos de la patria. En la misma casa, en acto solemne, el 9 de julio de 1947 se firmó el Acta de la Declaración de la Independencia Económica, como rotunda muestra de la recuperación del país, dentro de los postulados y realidades que conforman la Nueva Argentina, económicamente libre, socialmente justa, políticamente soberana. Ambos acontecimientos quedan así hermanados en una eterna página de historia, en que el "sí" de los congresales de 1816 al sagrado requerimiento de la independencia parece hacerse oír de nuevo, simbólicamente, en el instante en que se suscribe el inmortal documento de 1947, por el que se refirma "el propósito del pueblo argentino de sus bienes materiales y morales de gravitaciones contrarias a sus consumir su emancipación econó-

mica de los poderes capitalistas foráneos que han ejercido su tutela, control y dominio, bajo las formas de hegemonías económicas condenables y de los que en el país pudieran estar a ellos vinculados".

En el año 1816 los peligros que se cernían sobre el país estaban dentro y fuera del mismo y la declaración de la independencia tuvo efectos altamente beneficiosos para la empresa libertadora americana, habiendo influido grandemente en la decisión de los congresales el pensamiento de San Martín y de Belgrano. En el año 1947 culmina, mediante el Acta ya famosa, la acción emprendida contra las infiltraciones financieras y económicas extranjeras, que tratan de dirigir la vida nacional, controlar las industrias, explotar las riquezas y mantener, a todo trance, las formas de una inicua explotación del trabajo y de los trabajadores. La Argentina ha dado ahora, y en este sentido, un ejemplo al mundo al preservar auténticos intereses, fundados en la verdad, la justicia y el usufructo común de lo propio.

Pero ello, hasta el advenimiento del actual gobierno, había sido desvirtuado por obra y acción en un pasado definitivamente superado, de la voracidad capitalista, de los

—Миллиарды, которые вы вкладываете в вооружение — имеют ли они практическое значение? Имеют ли практическое значение ваши изуродованные ноги? Будут ли иметь практическое значение многомиллионные жертвы будущей войны? Имеет ли практическое значение только доллар и ничего больше? Имели ли практическое значение схоластические упражнения Карла Маркса? Имела ли практическое значение народная проповедь Иисуса Христа?

—Я знаю, — сказал мистер Паркер, — вы, как и очень многие иностранцы, считаете нас узкими практиками и материалистами. Это ошибка. Наша религиозная жизнь не менее интенсивна, чем в иных культурных странах мира.

—Ваша религиозная жизнь — это тоже атомизация человеческого духа, ваши тысячи сект атомизируют всякое религиозное сознание. Вопрос, повторяю, заключается в том: какое действие произведет атомное оружие на атомизированную психику? Я этого не знаю. Вы тоже этого не знаете. Поэтому ваши слова о пяти годах лишены даже и практического значения. Если нам с вами не удастся то, для чего вы

—с таким чудовищным риском приехали в Россию, то, я боюсь, что коммунизм продержится не пять лет, а пятьсот лет. Неопределенно долго. И во всем мире.

—Вы это, мистер Светлов, говорите совершенно серьезно?

—Совершенно серьезно. Здесь, в России, хаос скован и посажен на коммунистическую цепь. Единая воля, единый план, единая идеология и... единый террор. На вашей, — или, простите, на нашей, — стороне хаотические столкновения различных интересов, воли, идей, планов и, про-

сто, тупости. Чисто практической тупости. Чего уж практичнее: зарабатывает человек по два доллара на ноже, которым послезавтра Сталин зарежет его самого? Что, не так ли действует ваш практический запад?

—Вы очень сильно преувеличиваете, мистер Светлов. Мы в гораздо большей степени идеалисты, чем вы это думаете. Но нация стоит перед непривычными для нее задачами. Не все понимают опасность. Так, например, в начале вашей революции вы ведь тоже не понимали? Понимают ли даже и сейчас ваши соотечественники, находящиеся за границей? То, что вы говорите, мистер Светлов, — в сущности повторение очень старой истины: разум человеческий ограничен...

—Не только. Он часто — очень часто — просто извращен. И работает для своего собственного самоубийства. Как работала русская интеллигенция, как кажется, работает ваш деловой мир. Вот, почему ваш срок в пять лет я не могу не считать совершенно произвольным. Может быть, пять. Может быть, и пятьсот. Мы ничего не знаем. Мы, собственно говоря, ничего не знаем.

—Вот, я и говорю, — вмешался Потапыч, — образованные, а сами говорят, ничего не знаем. Еремей Павлович обернулся на Потапыча с некоторым раздражением.

—А, вот, если бы не было образованных, так тебе и водки не было бы.

—То есть — почему это?

—А очень просто: кто то ведь выдумал водку гнать, раньше ее не было. Ной — тот вино пил. А где ты здесь вина достанешь?

—Г-м, — сказал Потапыч. — водку, это, действительно... Так

consorcios extranjeros, del egoísmo de los poderosos y de la infiltración, desde el exterior, de los explotadores vinculados a organizaciones mundiales. El libre albedrío político declarado en 1816 y categóricamente refirmado como un dogma de soberanía en el presente tuvo, pues, — y para ello fué necesario más de un siglo de existencia nacional y una revolución que removiera los cimientos de nuestra estructura — su corolario magnífico en el Acta de 1947. La Argentina vive una era de paz, de trabajo, de producción, de justicia social y de felicidad en todas las formas de su existencia. Las dos fechas son recordadas y celebradas en un mismo marco de unión por el pueblo solidario absolutamente con sus gobernantes de hoy.

(“El Mundo”)

“НАША СТРАНА” существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

я же не против всякого образования говорю...

—Вот видите, мистер Паркер, — засмеялся Валерий Михайлович. — Может быть Еремей Павлович и прав: все наши открытия и достижения можно было бы символизировать в водке: не было бы образования, не было бы водки.

—Остается, повидимому, статья снова на четвереньки? — иронически спросил мистер Паркер.

—Нет, наоборот — нужно подняться к небу...

—А я бы предложил, — сказал Еремей Павлович, — переселиться поближе к печке. Небо — это не нашего ума дело, — о том отец Паисий знает. А тут, у печки, и тепло и не дует и водка у нас есть, а там — довлеет дневи злоба его.

Компания последовала совету Еремея Павловича и пересела к печке, кроме Потапыча, который постарался устроиться так, чтобы и от печки было недалеко и от стола поближе.

—Да, — подтвердил и мистер Паркер, — довлеет дневи злоба его. Завтра нужно было бы вытащить из воды самолет, на котором мы сюда прилетели.

—Я уже думал, — сказал Еремей Павлович. — Плевое дело. Впряжем шестерку коней и вытащим, как шуку. Льду на озере самые пустяки, только, как я думаю, — промок он, ваш самолет-то.

—Ну, там нечему промокать. Разве только бензин вылился, да и то неизвестно. Нужно будет пересмотреть мотор и прочее. Самолет еще может пригодиться.

(Продолжение следует).

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА
"НАШУ СТРАНУ"

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tijonovich, Calle Oliva 227, Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 10657 Bras. Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Inés, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 2765 1/2 Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 10733 — 117 str., Edmonton, Alta.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Frau J. Seubelich. Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. Campo AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.

Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts, 46 Victoria Str., Potts Points, Sydney, N. S. W.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА
"НАШЕЙ СТРАНЫ!"

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 уругв. сент.; Парагвай — 2 гуарани; Чили — 10 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 шилл. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

"НАША СТРАНА"

в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашневич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Василькиоти, при церкви на ав. Альвар.

Imprenta "Dorrego", Dorrego 1102 - Bs. Aires